
Е. С. ЛЕВШИНА

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНСТИТУТЕ АДЕЛЬФАТА В СЕРБСКИХ АКТАХ КОНЦА XIV—НАЧАЛА XV в.

Со второй половины XIV в. турки-османы неуклонно продвигались вглубь Балканского полуострова, все плотнее сжимая кольцо из завоеванных территорий вокруг Константинополя, а победа в Марицкой битве (1371) открыла им дорогу в Болгарию и Сербию. Битва на Косовом поле (1389) стала переломным моментом, положившим начало постепенному поглощению Сербии Османской империей. Ликвидация самостоятельного Сербского государства, постоянная угроза, исходившая от турок, почти непрерывные войны между христианскими государствами и сопровождавшие их внутриполитические конфликты, — все эти факторы ставили перед сербскими правителями на рубеже веков непростые внешние и внутриполитические задачи. Кроме того, религиозное сознание средневекового человека воспринимало события эпохи турецких завоеваний в единственно возможном для него ключе: нашествие на православную землю мусульман воспринималось как кара Господня за многочисленные грехи. Единственной возможностью спастись было покаяние и духовное перерождение. Мировосприятие накладывало характерный отпечаток на повседневную жизнь человека, направляя ее в русло совершения богоугодных, праведных поступков.

Подобные взгляды существовали на фоне эсхатологических настроений, получивших широкое распространение во всех христианских странах еще в XIV в. Их исходной точкой явилось возникновение чувства близости Апокалипсиса, которое стало господствовать в сербском обществе к началу XV в.¹ Перед лицом турецкой опасности, неизбежности завоевания

---

¹ *Колтакова Г. С.* Искусство Византии. Ранний и средний периоды. М., 2004. С. 189.

и, немаловажно, лишения материальных благ многие представители греческой и сербской знати, правящих династий на рубеже XIV—XV вв. желали обеспечить себе и членам своих семей надежное убежище в монастырях путем приобретения в них адельфатов. Именно в источниках указанного периода сохранилось наибольшее количество сведений об этом институте². Термин «адельфат» (греч. ἀδελφῶτον — «братев», «братский») означает предоставление со стороны монастыря пожизненного содержания (ситиресия) лицу (адельфатарии), которое обеспечило его себе более или менее богатым имущественным вкладом или денежной выплатой³.

Связи сербских правителей с Православной церковью, в том числе с обителями Святой Горы Афон — Хиландаром, Великой Лаврой, Свято-Пантелеимоновым монастырем и др., традиционно были чрезвычайно прочны. Без поддержки Свято-Саввской церкви претензии наследников князя Лазаря (1371—1389) на сербский престол не были бы серьезными. Неудивительно, что вдова князя Лазаря Милица (монахиня Евгения), князь Стефан (1389—1427) и его брат Вук, стремясь как можно скорее узаконить свои права наследников «святородной лозы» и укрепить власть, налаживали отношения с одной из старейших обителей Сербии — Милешево — и монастырями Афона, особенно с Хиландаром⁴.

Среди 16 дошедших до нашего времени монастырских дарственных грамот (хрисовулов) Стефана Лазаревича 1392—1427 гг.⁵ имеются две, в которых речь идет об основании адельфатов в монастырях.

Первый документ — грамота монахини Евгении, князя Стефана и Вука от 8 июня 1395 г., которой монастырю Св. Пантелеимона даруются новые метохии, а также подтверждаются ранние приложения князя Лазаря и сербской властели этой обители (с подтверждением Патриарха Сербского Даниила III)⁶. Данный хрисовул является актом адельфатария, выдача которого была первым шагом на пути создания адельфата. Вторым стало издание акта со стороны монастыря: как правило, в нем снова перечислялось даруемое имущество или предполагаемые денежные выплаты и выражалось согласие с предоставлением адельфата. Обычно оба документа о заключенном таким образом соглашении не сохранялись (чаще всего — только один из них). Договор монахини Евгении

---

² Живојиновић М. Адельфати у Византији и средњовековној Србији // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1968. Књ. 11. С. 241, 244; подробнее о происхождении термина и истории становления, основную литературу об институте см.: Там же. С. 241—247.

³ Там же. С. 241.

⁴ Историја српског народа / Д. Богдановић, Р. Михалчић, С. Ђирковић и др. Београд, 1982. Књ. 2. С. 112.

⁵ См.: Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. Београд, 2007. С. 155—376.

⁶ Там же. С. 294—297.

и ее сыновей с обителью Св. Пантелеимона является одним из двух известных исследователям исключений⁷. До нашего времени дошел акт игумена монастыря Св. Пантелеимона Никодима об основании 20 аделфатов в указанной обители, изданный в ответ на грамоту монахини Евгении, князя Стефана и Вука и подписанный, «ради сведетел'ства», сорока членами братского собора (1396)⁸.

Второй документ — грамота деспота Стефана Лазаревича от 8 июня 1411 г., которой монастырю Хиландар даруется несколько сел в Сербии в обмен на шесть аделфатов в указанной обители⁹.

После приобретения аделфата поступление в обитель дарителя подразумевалось, но не было обязательным условием. Существовали две основные категории аделфатариев: эсомониты, которые становились монахами и получали право управлять имуществом обители, пользовались особыми правами в общине, и эксомониты, которые оставались мирянами и управляли монастырским имуществом по договору. Для представителей первой категории аделфат включал в себя все необходимое для жизни в обители: проживание, одежду, обувь, питание. Миряне же получали довольно точно определенную в греческих и сербских актах XIV—начала XV в. (в том числе в хрисовулах сербских правителей) компенсацию в натуральной или денежной форме — в зависимости от условий договора¹⁰. В качестве примера приведем право дочерей монахини Евгении на получение 5 л (около 3,3 кг) серебра ежегодно от обители Св. Пантелеимона в том случае, если после смерти братьев и матери, унаследовав 11 аделфатов, они попадут в Константинополь. Однако, оказавшись в Солуни, на Струме, в окрестностях или на территории метохов Свято-Пантелеимонова монастыря, они должны были получать содержание в натуральной форме¹¹.

Помимо двух категорий аделфатариев, в обители могли находиться монахи — представители вкладчика, которые пользовались частью аделфатов и следили за выполнением обязательств монастырем по отношению к дарителю¹². Например, в акте 1396 г. оговаривалось право князя Стефана и Вука на две наибольшие кельи (безусловно, по причине знатности и принадлежности к правящей династии). Их могли занять выбранные аделфатариями монахи, получавшие право пользования двумя аделфатами правителей; после смерти монахи, по желанию дарителей, могли

---

⁷ Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији. С. 247—248.

⁸ Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 316—319.

⁹ Там же. С. 192—193.

¹⁰ Подробнее см.: Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији. С. 256—259, 263—265; Каждан А. П. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа // Византийский временник. М., 1971. Т. 31. С. 63—64.

¹¹ Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 317.

¹² Подробнее см.: Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији. С. 259.

быть заменены другими насельниками на тех же условиях¹³. Деспот Стефан получил в монастыре Хиландар определенные кельи — «герасимовские» (связанные с именем монаха Герасима — брата Вука Бранковича)¹⁴ — с виноградником, садом и огородом, права на которые имел и раньше. Двумя адельфатами правитель распоряжался по своему усмотрению и мог отдать их в пользование «своим» монахам¹⁵.

Кроме обязанностей, связанных с материальным обеспечением дарителя, у монастыря существовали не менее важные духовные обязанности, которые не зависели от того, вступал ли адельфатарий в обитель. Чаще всего они заключались в поминовении во время богослужения или в чтении молитв, на которые указал даритель, совершении литургии, предоставлении колива и «приливка» для поминовения, а также, при соответствующем размере вклада, вписывании имен адельфатария и членов его семьи в «поменник» (монастырский синодик)¹⁶.

Так, соглашение 1395—1396 г. между Лазаревичами и обителью Св. Пантелеимона устанавливало на каждый вторник совершение литургии и исполнение параклиса — молебного канона — для князя Стефана и его брата Вука, до конца их дней (по неделям чередовалось исполнение параклиса Прсв. Богородице и Св. Пантелеимону). После смерти адельфатариев монастырь обязывался совершать поминовение не только монахини Евгении и ее сыновей, но и князя Лазаря. Лазаревичи должны были поминаться на третий, девятый, вероятно, двадцатый (начало акта 1396 г. утрачено, но, например, в грамоте деспота Стефана Великой Лавре от 20 января 1427 г. указывается и двадцатый)¹⁷, сороковой день, шестой, девятый месяц и в годовщину смерти. Литургия и освящение колива (сваренных зерен пшеницы, обычно смешанных с медом) совершались при участии всей монастырской братии; во время освящения колива в обитель приглашались нищие с тем, чтобы вместе со всеми насельниками участвовать в утренней трапезе, на которую приносился и «приливок» — вино. До сорокового дня после смерти адельфатариев насельникам приписывалось отслужить сто литургий; каждую субботу, в течение первого года после кончины, для поминовения усопших устанавливалось коливо и совершалось десять литургий. В первую годовщину смерти адельфатарии поминались «по уставу Святых Отцов, когда поминаются все православные христиане»; затем каждую субботу для них готовилось коливо и служились три литургии. В последующие годовщины смерти Лазаревичи и князь Лазарь поминались как ктиторы

---

¹³ Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 317.

¹⁴ Там же. С. 198.

¹⁵ Там же. С. 192—193.

¹⁶ Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији. С. 241.

¹⁷ Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 260.

Свято-Пантелеимоновой обители при участии всей братии в литургии, трапезе с «приливком», на которую приглашались нищие. В акте подчеркивалось, что из-за приложения другого человека, пускай и превосходящего вклад Лазаревичей, поминовение князя Лазаря и его наследников не может быть пропущено, так как их имена вписаны в «поменник»¹⁸.

Добавим, что в обширном акте игумена Свято-Пантелеимоновой обители Никодима были не только детально прописаны «материальные» и духовные обязанности монастыря перед Лазаревичами, но и рассмотрены возможные варианты распределения адельфатов в случае вражды между Стефаном и Вуком, смерти одного или обоих братьев, смерти монахини Евгении до и после кончины сыновей и размеры денежной компенсации в случае лишения братьев власти и изгнания из Сербии¹⁹. Кроме того, отдельно оговаривалось, что даже в случае потери, со временем, обителью приложенных Лазаревичами метохов руководство монастыря не могло отказаться от взятых на себя обязательств, так как монахиня Евгения и ее сыновья, со своей стороны, выполнили все записанное в хрисовуле от 1395 г. без всяких условий и возражений²⁰.

Духовные обязанности монастыря Хиландар перед деспотом Стефаном Лазаревичем прописаны в грамоте правителя от 8 июня 1411 г. довольно кратко (но и сам объем документа уступал акту игумена Никодима). В обмен на несколько сел, расположенных в окрестностях Ново Брдо, и двух сел в Леваче (южнее г. Крагуевац) обитель обязывалась ежегодно помянуть правителя по уставу Святых Отцов: с приготовлением колива, совершением 10 литургий, предоставлением «приливка» всей братии. Кроме того, до сорокового дня с момента кончины деспота должно было быть совершено 100 литургий. По прошествии года Стефан Лазаревич поминался как ктитор монастыря²¹.

Поминовение «как ктитора», о котором говорится не только в рассмотренных выше актах, но и во многих хрисовулах сербских правителей XII—середины XV в. (например, в грамотах деспота Стефана Великой Лавре от 1407 и 1427 гг., акте Георгия Бранковича той же обители от 1452 г.)²², предполагало соблюдение определенных правил, прописанных в монастырских типиках. Так, например, в главе 35 Хиландарского типика Св. Саввы (1200) были изложены правила поминовения ктиторов обители — Св. Симеона и его супруги Анны (монахини Анастасии): со

---

¹⁸ Там же. С. 316—318.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 318.

²¹ Там же. С. 193.

²² Там же. С. 240, 260; *Анастасијевић Д. Н.* Српске архив Лавре Атонске // Споменик Српске краљевске академије. Београд; Ср. Карловци, 1922. Књ. 56. С. 15—16.

свечами, «всенощным пением», вином и хлебом для насельников и для раздачи всем желающим у ворот обители²³. В Романовском типике Хиландара (1382), составленном по поручению братии монастыря в связи со случаями нарушения «заповедей и типика святых ктиторов», правила, установленные предшественниками, были прописаны заново. Поминование должно было включать в себя ежегодное совершение всей братией всенощной, обеспечение колива со свечами и «приливка», служение утренней литургии в день успения ктитора до тех пор, пока существует обитель²⁴.

Как мы видим, обязанности монастырей Святой Горы, заключавшиеся в поминовении души, перед адефатариями и ктиторами были схожи. Выше было сказано, что адефат предоставлялся обителью лицу за вклад, сделанный в виде имущества или в денежной форме²⁵. Сербские правители располагали достаточными средствами и владениями для поддержания материального благополучия Православной церкви, защищая ее интересы посредством выдачи дарственных грамот. Их многочисленные приложения были неотъемлемой частью ктиторийской деятельности, которая, в свою очередь, являлась естественным продолжением традиций предшественников²⁶. Ктиторийское право отличалось от права адефатария, однако в некоторых случаях право последнего приравнивалось к ктиторийскому, так как особенно щедрые пожертвования обеспечивали вкладчику права ктитора обители²⁷. В то же время ктитор монастыря мог расширить свои права правом адефатария, как, например, произошло в случае деспота Стефана. Так, Стефан Лазаревич, назвавший себя «хтитор' же и внутрьний» обители Хиландар в хрисовуле 1406—1407 гг.²⁸, грамотой 1411 г. пожелал основать в монастыре адефаты²⁹.

Рассматривая акты сербских правителей рубежа XIV—XV вв., связанные с основанием адефатов в святогорских обителях, нужно отметить интересное сходство: оба хрисовула, 1395 и 1411 гг., имеют практически

---

²³ Леонид, архм. Стара српска писма из руског манастира св. Пантелејмона у Светој Гори // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1868. Књ. 7 (24). С. 216.

²⁴ Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи // Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. 1. Ср. Карловци, 1905. Књ. 3. С. 68—70.

²⁵ Подробнее о вкладе см.: Живојиновић М. Адефати у Византији и средњовековној Србији. С. 253—256.

²⁶ Подробно о ктиторийском праве см., например: Троицки В. С. Ктиторийско право у Византији и Неманићкој Србији // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1935. Књ. 168. С. 81—132; Цуњак М. Ктиторийство права и обавезе ктитора у средњовековној Србији. Смедерево; Београд, 2008.

²⁷ Подробнее см.: Живојиновић М. Адефати у Византији и средњовековној Србији. С. 266.

²⁸ Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 184.

²⁹ Там же. С. 193.

идентичные богословские преамбулы³⁰, начинающиеся словами: «Вышнюю славу улучити желающе божьствных евангельскихъ заповедей делателіе...» Данная преамбула была использована всего в трех хрисовулах и впервые появилась в дарственной грамоте князя Лазаря, которой монастырю Св. Пантелеимона даровалась церковь Спаса в с. Хвосно (1380—1381)³¹. Таким образом, указанная преамбула обнаруживается в актах двум афонским обителям.

Необходимо сказать несколько слов об аренгах хрисовулов. Богословская преамбула являлась достаточно универсальным и устойчивым элементом формуляра монастырских грамот. В соответствии с особенностями составления актов в сербской средневековой канцелярии³², преемственностью канцелярий новых сербских правителей с канцелярией династии Неманичей одна и та же аренда могла повторяться в нескольких хрисовулах, адресованных разным обителям разными же правителями. Неоднократное употребление практически идентичных по содержанию аренг в актах можно объяснить желанием правителей подчеркнуть континуитет и легитимность своей власти в сербских землях. Кроме того, делопроизводством в канцелярии недавно восшедшего на престол правителя долгое время занимались те же «чиновники», что и при его предшественнике. Не исключено также, что использованием идентичной с актом предшественника преамбулы правители стремились подчеркнуть не только земную, но и духовную преемственность, показать богоустремленность и праведность своих принципов управления Сербией.

Учитывая все выше сказанное, можно объяснить, почему при составлении грамоты монахини Евгении и ее сыновей монастырю Св. Пантелеимона была использована, с незначительными изменениями, преамбула из акта князя Лазаря этой же обители.

Выбор той же самой богословской преамбулы деспотом Стефаном для грамоты монастырю Хиландар менее очевиден. Мы склонны считать, что ключевую роль сыграло то, что хрисовул 1411 г., как и грамота 1395 г., являлся актом адефатария. При сравнении текстов преамбул трех указанных актов обнаруживается, что изменения в аренгу были внесены для грамоты 1395 г., и для составления своего хрисовула Стефан Лазаревич

---

³⁰ Богословская преамбула (аренга) — часть формуляра дарственных грамот, торжественное введение религиозного содержания, в котором в общих чертах доказывалась оправданность того, что изложено в хрисовуле; включала в себя комбинации точных (или пространных) цитат или грамматически преобразованных отрывков из Священного Писания.

³¹ *Леонид, архм.* Стара српска писма. С. 256—258.

³² Об этом см.: *Станојевић С.* Студије о српској дипломатици. XX. Састављање повеље // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1933. Др. разред. 80. С. 155—219; *Ђирковић С.* Повеље кнеза Лазара и његова канцеларија // Стари српски архив. Београд, 2003. Књ. 2. С. 207—215.

использовал именно эту измененную преамбулу. Вероятно, в сознании деспота данная аренда ассоциировалась с возможностью основать адельфат.

Сербские правители — наследники князя Лазаря — наравне с представителями греческой и сербской знати, на рубеже XIV—XV вв. основывали адельфаты в монастырях, преимущественно афонских³³. С одной стороны, желание получить права адельфатариев было следствием сложной внешнеполитической обстановки, ощущения неизбежности турецкого завоевания, усилившегося после Косовской битвы (1389). С другой стороны, приобретая адельфаты, Лазаревичи расширяли правами адельфатариев свои ктиторские права, которые являлись естественным продолжением традиций представителей династии Неманичей.

Из 16 дошедших до нашего времени хрисовулов Стефана Лазаревича 1392—1427 гг. всего в двух речь идет об основании адельфатов, в то время как о ктиторстве и ктиторских правах говорится чаще — ктиторское право было для правителей приоритетным. По всей видимости, после сокрушительного поражения султана Баязида от войск Тамерлана в битве при Анкаре (1402) и относительного улучшения внешнеполитической ситуации на Балканах потребность сербских правителей в обеспечении себе и своим семьям надежного убежища в монастырях несколько ослабла. Вступление Сербии в тесное соприкосновение с Византией и принятие Стефаном Лазаревичем титула деспота от регента Мануила II Палеолога Иоанна VII Палеолога (1402) шло навстречу стремлениям Лазаревичей вернуть к жизни некогда могущественное государство Неманичей, способное дать отпор туркам, и желанию Константинопольской Патриархии сделать Сербию новым оплотом веры на Балканском полуострове³⁴. Осуществлению этих планов способствовала разгоревшаяся после смерти султана Баязида (1403) междоусобная война в Османской империи, закончившаяся в 1413 г. победой Мехмеда I. Возможно, именно вступление Мехмеда в борьбу за Румелию в 1411 г. при поддержке византийского императора Мануила II привело деспота Стефана к размышлениям о скором ухудшении внешнеполитической ситуации и вынудило вернуться к основанию новых адельфатов в святогорских обителях.

РЕЗЮМЕ

В данной статье на примере сербских актов 1395—1411 гг. рассмотрены характерные черты адельфата, под которым понимается предоставление со стороны монастыря пожизненного содержания лицу (адельфатарии),

---

³³ Подробнее см.: *Ивановић М.* Света Гора као уточиште за властелу из српске деспотовине // Наш Траг. Часопис за культуру. Велика Плана, 2013. № 3/4. С. 358—369.

³⁴ *Колпакова Г. С.* Искусство Византии ... С. 178.

обеспечившему его себе имущественным вкладом или денежной выплатой. На рубеже XIV—XV вв. сербские правители, наравне с представителями греческой и сербской знати, основывали адельфаты в монастырях, преимущественно афонских. С одной стороны, желание получить права адельфатариев, обеспечить надежное убежище себе и членам своей семьи было следствием сложной внешнеполитической обстановки, ощущения неизбежности турецкого завоевания, усилившегося после Косовской битвы (1389). С другой стороны, приобретая адельфаты, Лазаревичи расширяли свои ктиторские права, которые являлись естественным продолжением традиций представителей династии Неманичей. В статье особое внимание уделено рассмотрению духовных обязательств монастырей перед адельфатариями.

SUMMARY

In this article, on the example of Serbian acts issued in 1395—1411, the characteristic features of adelphate are examined. The term «adelphate» means the giving of life-long sustenance on the part of a monastery to an individual (adelphatarios) who had given some gift, in property or in money, and thereby secured this support from the monastery. At the turn of the XIV—XV centuries Serbian rulers, as well as Greek and Serbian nobles, founded adelphate in the monasteries most often situated on the Mount Athos. On the one hand, their desire to get the rights of the adelphatarios, to provide a safe refuge for themselves and their family was the result of difficult foreign policy situation, the feeling of inevitability of Turkish conquest, which intensified after the Battle of Kosovo (1389). On the other hand, getting adelphate the heirs of Prince Lazar expanded their rights of ktitor which were the natural continuation of the traditions of Stefan Nemanja dynasty. The author focuses on the consideration of spiritual obligations of the monasteries towards adelphatarios.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сербия, Средние века, дарственные грамоты, адельфат, адельфатарий, Стефан Лазаревич, гора Афон, Хиландар, монастырь Св. Пантелеимона, ктиторское право.

KEYWORDS

Serbia, the Middle Ages, charters, adelphate, adelphatarios, Stefan Lazarevich, Mount Athos, Chilandar Monastery, St. Panteleimon Monastery, the rights of ktitor.

БИБЛИОГРАФИЈА

Анастасијевић Д. Н. Српске архив Лавре Атонске // Споменик Српске краљевске академије. Београд ; Ср. Карловци, 1922. Књ. 56. С. 6—21.

Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1968. Књ. 11. С. 241—270.

Ивановић М. Света Гора као уточиште за властелу из српске деспотовине // Наш Траг. Часопис за културу. Велика Плана, 2013. № 3/4. С. 358—369.

Историја српског народа / Д. Богдановић, Р. Михалчић, С. Ћирковић и др. Београд : Српска књижевна задруга, 1982. Књ. 2 : Доба борби за очување и обнову државе (1371—1537).

Каждан А. П. Византијски манастир XI—XII вв. как социјална група // Византијски временник. М., 1971. Т. 31. С. 48—70.

Колтакова Г. С. Искусство Византии. Ранни и средни периоди. М. : Азбука-классика, 2004.

Леонид, архм. Стара Српска писма из руског манастира св. Пантелејмона у Светој Гори // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1868. Књ. 7 (24). С. 231—295.

Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. Београд : Чигоја штампа, 2007.

Станојевић С. Студије о српској дипломатици. XX. Састављање повеле // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1933. Др. разред. 80. С. 155—219.

Стојановић Јб. Стари српски записи и натписи // Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. 1. Ср. Карловци, 1905. Књ. 3.

Троицки В. С. Ктиторско право у Византији и Неманићкој Србији // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1935. Књ. 168. С. 81—132.

Ђирковић С. Повеле кнеза Лазара и његова канцеларија // Стари српски архив. Београд, 2003. Књ. 2. С. 207—215.

Џуњак М. Ктиторство права и обавезе ктитора у средњовековној Србији. Смедерево ; Београд : Newpress Богословија «Свети Сава», 2008.

REFERENCES

Anastasijević D. N. Srpske arhiv Lavre Atonske // Spomenik Srpske kraljevske akademije. Beograd ; Sr. Karlovci, 1922. Knj. 56. S. 6—21.

Ćunjak M. Ktitorstvo prava i obaveze ktitora u srednjovekovnoj Srbiji. Smederevo ; Beograd : Newpress Bogoslovija «Sveti Sava», 2008.

Ćirković S. Povelje kneza Lazara i njegova kancelarija // Stari srpski arhiv. Beograd, 2003. Knj. 2. S. 207—215.

Istorija srpskog naroda / D. Bogdanović, R. Mihaljčić, S. Ćirković i dr. Beograd : Srpska knjizhevna zadruga, 1982. Knj. 2 : Doba borbi za ochuvanje i obnovu drzhave (1371—1537).

Ivanović M. Sveta Gora kao utočišhte za vlastelu iz srpske despotovine // Nash Trag. Chasopis za kulturu. Velika Plana, 2013. Nr 3/4. S. 358—369.

Kazhdan A. P. Vizantijskij monastyr XI—XII vv. kak socialnaya gruppa // Vizantijskij vremennik. M., 1971. T. 31. S. 48—70.

Kolpakova G. S. Iskusstvo Vizantii. Rannij i srednij periody. M. : Azbukaklassika, 2004.

Leonid, arhm. Stara srpska pisma iz ruskog monastira sv. Pantelejmona u Svetoj Gori // Glasnik srpskog uchenog drushtva. Beograd, 1868. Knj. 7 (24). S. 231—295.

Mladenović A. Povelje i pisma despota Stefana. Beograd : Chigoja shtampa, 2007.

Stanojević S. Studije o srpskoj diplomaciji. XX. Sastavljanje povelje // Glas Srpske kraljevske akademije. Beograd, 1933. Dr. razred. 80. S. 155—219.

Stojanović Lj. Stari srpski zapisi i natpisi // Zbornik za istoriju, jezik i knjizhevnost srpskog naroda. Od. 1. Sr. Karlovci, 1905. Knj. 3.

Troicki V. S. Ktitorsko pravo u Vizantiji i Nemaničkoj Srbiji // Glas Srpske kraljevske akademije. Beograd, 1935. Knj. 168. S. 81—132.

Zhivojinović M. Adelfati u Vizantiji i srednjovekovnoj Srbiji // Zbornik radova Vizantoloshkog instituta. Beograd, 1968. Knj. 11. S. 241—270.